

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-13

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-7-16>

Эпистолярный В. Маяковского как дискурсивное пространство авторской самопрезентации

Алиса Арменовна Халатян¹, Анна Владимировна Курьянович²

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *alisahalatyan@ro.ru*

² *kurjanovich.anna@rambler.ru*

Аннотация

Современная когнитивная и дискурсивная лингвистика представляет собой направление в языкознании, акцентирующее внимание на изучении механизмов языковой репрезентации личности. В рамках антропоцентрической парадигмы лингвистическое исследование приобретает новое измерение, сосредотачиваясь на изучении различных аспектов человеческой деятельности и восприятия мира через языковую призму, а также способы взаимодействия индивида с социокультурной средой через язык. Основной предмет анализа в рамках данной темы – изучение средств и способов репрезентации индивидуальных особенностей личности автора в языке и результатов влияния самого языка на формирование и выражение этих особенностей. Дискурс, в свою очередь, представляет собой конкретное языковое произведение (текст), в котором реализуются и взаимодействуют различные языковые средства, отражая тем самым идентичность автора и его взаимоотношения с социальной средой. Анализ дискурса позволяет выявить, как именно языковая личность проявляется в различных типах текстов, будь то публичная речь, литературное произведение, научный текст или письма. Эпистолярный Владимир Маяковский является одним из наиболее значимых источников для исследования не только литературного наследия автора, но и механизмов его самопрезентации в контексте культурной жизни начала XX в. Письмо как жанр, традиционно признаваемый вторичным по отношению к основным литературным произведениям, в контексте творчества Маяковского выступает как плодотворное дискурсивное пространство, где раскрываются как интеллектуальные, так и эмоциональные аспекты его творческой личности через самопрезентацию автора. В ходе анализа многоаспектных факторов самопрезентации В. В. Маяковского определяется комплекс инструментов, применяемых автором для структурирования взаимодействия с адресатами его текстов и для представления своей идентичности в рамках эпистолярного дискурса. Акцентируется внимание на исследовании приемов репрезентации личности в определенном дискурсе. Дискурсивный анализ эпистолярного наследия В. В. Маяковского позволяет выявить специфику авторской самопрезентации, которая обуславливается не только личными амбициями и жизненным опытом поэта, но и широким контекстом социокультурных изменений эпохи.

Ключевые слова: *эпистолярный дискурс, эпистолярный жанр, частная переписка, коммуникативная стратегия, самопрезентация, Владимир Владимирович Маяковский*

Для цитирования: Халатян А. А., Курьянович А. В. Эпистолярный В. Маяковского как дискурсивное пространство авторской самопрезентации // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 7–16. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-7-16>

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Epistolary of V. Mayakovsky as a discursive space of the author's self-presentation

Alisa A. Khalatyan¹, Anna V. Kuryanovich²

^{1,2} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ alisahalatyan@ro.ru

² kurjanovich.anna@rambler.ru

Abstract

Modern cognitive and discursive linguistics are a direction in linguistics that focuses on the study of the mechanisms of linguistic representation of personality. Within the anthropocentric paradigm, linguistic research takes on a new dimension, focusing on the study of various aspects of human activity and perception of the world through a linguistic prism, as well as the ways an individual interacts with the sociocultural environment through language. The main subject of analysis within this topic is the study of how individual personality traits are manifested in language and how language influences the formation and expression of these characteristics. Discourse, in turn, is a specific linguistic work (text), in which various linguistic means are implemented and interact, thereby reflecting the identity of the author and his relationship with the social environment. Discourse analysis allows us to identify exactly how linguistic personality is manifested in various types of texts, be it public speech, literary work, scientific text or letters. The epistolary of Vladimir Mayakovsky is one of the most significant sources for studying not only the literary heritage of the author, but also the mechanisms of his self-presentation in the context of cultural life of the early 20th century. Writing as a genre, traditionally recognized as secondary in relation to the main literary works, in the context of Mayakovsky's work acts as a fruitful discursive space where both intellectual and emotional aspects of his creative personality are revealed through the author's self-presentation. In the course of analyzing the multidimensional factors of V. V. Mayakovsky's self-presentation, a set of tools used by the author to structure interaction with the recipients of his texts and to present his identity within the framework of epistolary discourse is determined. Attention is focused on the study of techniques for representing personality in a certain discourse. A discursive analysis of the epistolary heritage of V. V. Mayakovsky allows us to identify the specifics of the author's self-presentation, which was determined not only by the personal ambitions and life experience of the poet, but also by the broad context of the sociocultural changes of the era.

Keywords: epistolary discourse, epistolary genre, private correspondence, communicative strategy, self-presentation, Vladimir Vladimirovich Mayakovsky

For citation: Khalatyan A. A., Kuryanovich A. V. Epistolary of V. Mayakovsky as a discursive space of the author's self-presentation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 7–16 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-7-16>

Введение

В современных исследованиях в области когнитивной лингвистики (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубряковой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Ю. С. Степанова и др.) [1–5] особое внимание фокусируется на изучении взаимосвязей между языковой системой и когнитивными процессами в контексте понимания сущности человека и его способов самопрезентации (И. Джонс, О. О. Иссерс, Е. А. Ковригина, А. А. Пушкин, Ю. В. Сорокина, Е. В. Кулинич, Н. В. Соловьева) [6–10]. Одной из ключевых проблем является выявление механизмов, посредством которых языковая система отражает и конструирует когнитивные структуры, оказывая воздействие на процесс перцепции реальности и самоидентификации личности.

Эпистолярный жанр играет значимую роль в самопрезентации писателя, предоставляя уникальные возможности для выражения индивидуальности и взглядов автора в менее формализованной и более личной манере, по сравнению с другими литературными формами. В основе эпистолярного жанра лежит диалогическое начало, способствующее установлению связи между автором и адресатом, что, в свою очередь, создает пространство для более глубокой и персонализированной самопрезентации автора.

Самопрезентация является ключевым понятием не только в психологии и социологии, но и находит свое значимое применение в современной лингвистике, где изучается в контексте межличностного общения, преимущественно через анализ вербальных и невербальных средств ком-

муникации. В лингвистическом аспекте самопрезентация может рассматриваться как процесс, в ходе которого индивид стремится контролировать и управлять восприятием себя другими участниками коммуникативного акта, используя для этого определенный набор лингвистических средств и стратегий. Самопрезентация в лингвистике нераздельно связана с понятием дискурса, которое обозначает специфический способ репрезентации реальности в тексте. О. М. Елькина считает, что особенностью самопрезентации является создание образа говорящего. «Самопрезентация, или самоподача говорящего в теории общения, определяется как реализованная в процессе межличностного общения способность коммуникантов повлиять на то, какими их увидят партнеры, способность „вмешательства“ в процесс формирования своего образа у собеседника на формально-языковом и на содержательном уровнях» [11, с. 91]. «Самопрезентация предполагает представление человеком себя в наилучшем свете. Человек, презентующий себя, стремится произвести благоприятное впечатление на адресата» [11, с. 7].

Эпистолярный жанр, исторически занимая заметное место в литературном пространстве, представляет собой живое свидетельство эволюции человеческих отношений, культурных норм и методов самопрезентации личности. В контексте творчества отдельного писателя письма становятся не только средством общения, но и уникальным инструментом самовыражения, позволяющим автору проявить себя в неформальной, но в то же время продуманной манере.

Эпистолярный дискурс как зеркало национальной или индивидуально-авторской картины мира неоднократно становился источником филологических исследований (работы И. С. Алексеевой, И. А. Герасименко, А. В. Курьянович, Т. В. Кыштымовой, Т. С. Каирова, О. М. Седова, Н. Л. Степанов, О. Р. Лихолетовой, И. И. Матвеевой, О. В. Протопопова) [12–17]. Эпистолярное творчество открывает перед исследователями неисчерпаемый лабиринт личных мотиваций, интеллектуальных поисков и творческих экспериментов писателя. В письмах, адресованных близким, писатель может раскрывать свои идеи, представления и чувства более открыто и непосредственно, нежели в литературных произведениях, предназначенных для широкой публики. В структуре эпистолярной коммуникации ключевую роль играют особенности выбора языковых средств, которые определяются намерениями и индивидуальностью автора. Анализ различных писем позволяет утверждать, что в ходе эпистолярной деятельности происходит селекция

лексических и стилистических элементов, не столько нацеленная на адаптацию к потенциальному широкому кругу читателей, сколько на выражение собственной индивидуальности. Применение автором уникальных языковых средств в письмах носит не случайный характер, а обусловлено стремлением к самовыражению и самоидентификации. Можно сказать, что, выбирая определенные слова, фразы, стилистические приемы и конструкции, автор не только формирует текст, но и проецирует в него собственное «Я», свои мысли, чувства и переживания. В этом контексте язык не просто является инструментом передачи информации, он становится способом создания уникального авторского пространства, в котором возможно глубокое и неповторимое взаимодействие с адресатом.

Данная особенность эпистолярного жанра свидетельствует о том, что в процессе подбора языковых средств лежат сложные когнитивные процессы, включая отбор, комбинирование и использование лингвистических элементов в соответствии с индивидуальным восприятием мира автором. Эта специфика эпистолярной практики подчеркивает значение письма как жанра, представляющего собой не просто средство коммуникации, но и мощный инструмент самовыражения, позволяющий автору сохранять свою уникальность и неповторимость даже в рамках стандартизированных структур языка. В этом контексте эпистолярные тексты могут быть определены как универсальная жанровая форма, находящая свое представление в разнообразных типах дискурсов. В функциональной стилистике эпистолярным можно назвать «стиль или подязык корреспонденции, когда рассматривается любое речевое произведение в виде письма... Эпистолярная речь понимается как письменная речь носителей языка посредством переписки» [18, с. 2]; «Письмо есть единица эпистолярного жанра, представленного в разных функциональных стилях» [19, с. 5]. В системном виде теория эпистолярного представлена в частности [20].

Эпистолярный дискурс В. В. Маяковского вызывает со стороны исследователей значительный интерес не только в контексте изучения литературного наследия писателя-классика, но и с точки зрения анализа механизмов самопрезентации автора в эпоху раннего советского периода.

Материал и методы

Источником исследования являются тексты эпистолярного дискурса В. В. Маяковского, на основе которых происходит выявление способов самопрезентации автора. В процессе формирования эмпирической базы настоящего исследова-

ния был применен метод сплошной выборки. В качестве преобладающих методологических подходов в данной работе были выбраны лингвистический анализ текстов, дискурс-анализ, а также анализ речевых актов и дискурсивных маркеров в текстах В. В. Маяковского. Рассматриваются разнообразные языковые и стилистические приемы, позволяющие автору выстроить взаимоотношения с читателем, а также способствовать формированию определенного восприятия его личности и творчества.

Результаты исследования

Творчество В. В. Маяковского обширно и многогранно, он известен своими поэтическими экспериментами, революционной риторикой и непримиримой критикой социальных порядков. Однако в его творческом наследии особое место занимают письма, которые открывают новые грани самопрезентации языковой личности автора. В контексте творческой парадигмы, сформированной автором, эпистолярный жанр не составляет такого большого количества произведений по сравнению с поэтическим жанром. Сохранились письма, адресованные родственникам, Л. Брик, Д. Бурлюку и небольшое количество писем, направленных различным учреждениям и организациям.

Феномен самопрезентации В. Маяковского в эпистолярном дискурсе можно рассматривать как важнейший компонент его литературной идентичности и творческой практики. В одном из писем В. В. Маяковский пишет о себе: «*Я маленький, слабый, человек*», «*Я ничего не пишу оттого, что у меня характер гнусный*»; «*До сего времени здоров, молод, красив и весел*» [21, с. 188]. Для самопрезентации автор использует простые нераспространенные эпитеты. Самоидентификация В. В. Маяковского как личности и поэта в письмах была тесно связана с его социальными ролями, так как большое количество писем автора было направлено его родным: «*Я ваш сын, брат и проч. и проч.*» [21, с. 188].

Творчество поэта и жизненная позиция нашли отклик среди массовой аудитории. Анализируя роль Маяковского как публичного оратора и писателя, важно обратить внимание на совокупность факторов, определяющих его влияние на социальный контекст того времени. В первую очередь В. В. Маяковский являлся ярким представителем авангардистских тенденций в искусстве, что находило отражение как в форме, так и в содержании его произведений. Его поэзия отличалась экспериментальностью, нестандартным синтаксисом и графической организацией текста, что делало его стиль узнаваемым и новаторским.

Эти признаки не только выделяли В. Маяковского на фоне других писателей и поэтов его времени, но и способствовали формированию его имиджа как деятеля, глубоко связанного с идеями прогресса и обновления: «*Я развыступался. И освистали Хенкина с его анекдотами, а меня слушали, и как!*» [21, с. 190]. В. В. Маяковский обращался к актуальным социальным проблемам, выступал как голос широких масс, используя свое искусство как инструмент социального и политического воздействия. В контексте общественного восприятия В. Маяковский как бы стирает границы между личностным и общественным, превращая свой жизненный и творческий опыт в универсальное послание к массам, это все находит отражение в письмах автора.

В строчках В. Маяковского «*Я не проситель в русской литературе, а скорее ее благотворитель*» [21, с. 190] проявляется специфический механизм самопрезентации автора, отражающий его уникальное видение роли личности в литературном процессе начала XX в. Эта самопрезентация основывается на декларативном отказе от традиционных пассивных ролей поэта, вместо чего В. В. Маяковский позиционирует себя как активного, даже революционного писателя. Прежде всего использование слова «*не проситель*» отражает отречение Маяковского от позиции зависимости или подчиненности. В этом контексте подразумевается, что Маяковский воспринимает свою роль как генератора новых смыслов и ценностей, способных самостоятельно вносить вклад в развитие и обогащение литературного процесса. Слово «*благотворитель*» указывает на автономию Маяковского от преобладающих литературных традиций и его уверенность в способности не только обновить русскую литературу, но и обогатить ее, привнеся новые идеи, формы и содержание. С такой позиции Маяковский не просто отрицает старые каноны, но и предлагает что-то взамен, видя себя не только как критика старого, но и как создателя нового, чем и обуславливается его самопрезентация как благотворителя.

Маяковский – автор, чей образ в культуре часто ассоциируется со сложным сочетанием эмоциональной притягательности и интеллектуального влияния, описывает себя как личность, пользовавшуюся как женской любовью, так и мужским уважением: «*Все женщины меня любят. Все мужчины меня уважают*» [21, с. 193]. Эпистолярный жанр позволяет рассмотреть способы репрезентации отношений В. В. Маяковского с женщинами. Один из наиболее значимых и изучаемых аспектов в отношениях Маяковского с женщинами – это его длительный и сложный

роман с Лилией Брик. Этот роман не только оказал мощное влияние на его творческий путь, но и во многом определил его публичный имидж. Л. Брик не просто стала музой поэта, вдохновив его на создание многих произведений, она также активно участвовала в создании его публичного образа, продвигая Маяковского как лидера новой поэтической волны и революционного голоса эпохи.

Маяковский – поэт-новатор, активный участник и один из ярких представителей русского авангардистского движения, проявил оригинальность не только в своем творчестве, но и в личных отношениях. Одним из проявлений этой оригинальности является способ, которым он подписывал свои письма Лилии Брик: «Твой, мотающийся, как собака, Щенок», «Целую, твой до хвостика» [21, с. 194]. Этот выбор слова «щенок» для самоидентификации в письмах к Лиле не случаен и носит в себе глубинное содержание и многогранность. С одной стороны, это может символизировать непосредственность, искренность и некоторую игривость в их отношениях. С другой стороны, такое обращение может указывать на неравноправное положение Маяковского в отношениях, его чувство уязвимости и зависимости от Лили, которую он ставил на пьедестал: «Завтра забудешь, / что тебя короновал» [21, с. 45]. Это обращение может также отражать стремление Маяковского выразить свою безграничную привязанность, верность и готовность быть рядом в любых обстоятельствах.

Особенностями самопрезентации Маяковского в письмах к Л. Брик являются его искренность и откровенность. Поэт не стесняется показать свою уязвимость, что контрастирует с образом публичного оратора, агитатора и борца за идеалы коммунизма. В ходе анализа переписки становится очевидной трансформация имиджа Владимира Маяковского, противопоставляющая его традиционно приписываемой роли представителя футуризма в «желтой кофте» и выстроенным имиджем непокорного бунтаря и циника, не упускавшего возможности шокировать общественность. Этот образ, который автор транслирует в поэтическом дискурсе и публичных выступлениях, в значительной мере реформируется посредством его личных писем, в которых он выступает в роли лирика, обладающего ярко выраженной эмоциональной открытостью, чуткостью и глубокой проникновенностью, что контрастирует с общепринятой интерпретацией его персоны до момента знакомства с Лилией Брик. В данном контексте Маяковский раскрывается как фигура, воплощающая собой неожиданное сочетание нежности, что дополняет его портрет

новыми фактами, расширяя границы понимания его как личности и художника.

Самопрезентация как страдальца в его письмах к Л. Брик несет в себе и определенную стратегическую составляющую. Маяковский стремился не просто поделиться своим внутренним миром с близким ему человеком, но и создать определенный образ в ее сознании, образ страдающего гения, чье сердце изрыто несчастной любовью и социальной несправедливостью. Эта самопрезентация позволяла Маяковскому устанавливать особую, более глубокую эмоциональную связь с получателем своих писем, делая его образ более запоминающимся и многогранным. В письмах автор пишет: «тоскую без тебя ужасно, ужасно», «я ужасно грущу по тебе», «соскучился по тебе», «люблю и тоскую», «без тебя ... я прекращаюсь», «я люблю, люблю, несмотря ни на что и благодаря всему» [21, с. 196]. В данных строчках из писем к Л. Брик Владимира Маяковского выявляется особенность использования глагольных форм при описании душевных страданий. Этот лингвистический прием автором осуществляется с целью достижения большей выразительности и непосредственности в передаче эмоционального состояния. Глаголы, обладающие динамичностью и активностью, способствуют созданию ощущения непрерывного действия, что усиливает восприятие напряженности и глубины переживаний.

Кроме того, анализ семантического поля глаголов позволяет обнаружить в его письмах тенденцию к использованию слов, выражающих перспективу будущего и неограниченные возможности. Глаголы, такие как «создать», «заменить», «обновить», употребляются Маяковским для того, чтобы вдохновить читателя на создание нового мира, не уклоняясь от вызовов современности.

Одной из характерных особенностей самопрезентации В. Маяковского является использование глаголов-неологизмов. Эти неологизмы автор создавал для выражения новых идей и эмоций, связанных с техническим прогрессом, социальными изменениями и революционным обновлением общества. С помощью глаголов-неологизмов В. Маяковский стремится преодолеть ограничения традиционного языка, максимально выразительно передать эмоциональное состояние: «разъездываю», «понадписывал», «развыступался».

Самопрезентация Маяковского как агитатора тесно переплетается с его поэтическим и художественным творчеством, выступая важным элементом его общественного идеологического вклада. В письмах автор сам относит себя к агитаторской деятельности: «Работать почти не

приходится: *грызня, агитация и т. п. выжирают из меня все вместе с печенками*» [21, с. 175]. В. Маяковский активно пропагандировал социалистические идеалы через свое творчество, что позволяет классифицировать его как агитатора.

Его творчество тесно связано с футуризмом – литературным и художественным направлением, которое стремилось к радикальному обновлению искусства, акцентируя внимание на могуществе техники, энергии и скорости современной жизни. Маяковский не только адаптировал принципы футуризма к своему поэтическому языку и мировоззрению, но и активно способствовал развитию этого направления в России, делая его одной из ведущих культурных сил своего времени: *«Нам некогда было заниматься теорией поэзии, мы давали ее практику»* [21, с. 175]. Футуризм в его творчестве проявился не только в стремлении отказаться от устаревших форм и содержания в пользу новаторских методов выражения, но и в попытке предвидеть и формировать будущее через искусство.

Важную роль в самопрезентации В. В. Маяковского играют подписи, которые он оставляет в конце писем. Во многих случаях автор сокращает и трансформирует свое имя до символического *«Вол»*, *«Волосит»*, тем самым автор не только проявлял индивидуализм, но и выступал новатором в создании неологизмов, которые в его письмах и произведениях выступают как яркий признак модернизации языка, стремления к экспериментам и выходу за рамки традиционных выразительных средств. Маяковский активно использовал языковые инновации для лучшей передачи своих идеологических установок, чувственных переживаний и социально-политических взглядов. Автор не просто играет со словами, создавая новые или модифицируя старые, он переосмысливает свою идентичность, превращая свое имя из простого обозначения личности в насыщенный смыслами символ. Взятие подписи *«Вол»* в письме не является исключением. Этот выбор отражает личную сущность поэта – его силу и неукротимую волю к жизни и творчеству. В этом смысле используемый В. В. Маяковским неологизм является не просто экспериментом с языком, но и глубокой авторской самоидентификацией. Привнесение в тексты новообразованных слов позволяло Маяковскому нарушать привычные семантические поля и стандарты восприятия, тем самым активизируя воображение читателя и расширяя границы интерпретации. Неологизмы в его творчестве – это не только инструмент для описания новизны, но и способ воздействия на эмоциональный и интеллектуальный опыт адресата.

В научном дискурсе анализ творчества и личностных качеств выдающихся деятелей культуры всегда представляет особый интерес ввиду того, что их произведения и личное общение отражают не только временную эпоху, но и глубинные психологические процессы. Особенно когда это касается любви – одного из самых мощных и универсальных человеческих чувств. Когда автор посвящает свои работы теме любви, в его способности точно и искренне передать все грани этого чувства заключается ключ к идентификации личности. В контексте анализа его отношений с Лилией Брик аспект самопрезентации заслуживает особого внимания. Письма к Л. Брик, где он подписывается как *«твой щенок»*, раскрывают не только глубину чувств В. Маяковского к своей музе, но и позволяют предположить, каким образом он стремился представить себя в глазах возлюбленной.

Подписи *«твой щенок»*, *«твой щен»* несут в себе значительную семантическую нагрузку. Во-первых, она указывает на искреннее чувство привязанности и верности, которое ассоциируется с образом щенка. Это откровение позволяет предположить, что В. Маяковский, несмотря на свою публичную репутацию революционера и бунтаря, в личных отношениях стремился показать себя совершенно иначе – как преданное и любящее существо, готовое на все ради возлюбленной. Во-вторых, выбор такого образа для самопрезентации в письмах к Лилии Брик может быть трактован как стремление В. Маяковского подчеркнуть его готовность находиться в зависимости от своей возлюбленной. Это, возможно, отражает его желание выразить безоговорочную поддержку и одновременно желание быть принятым и любимым таким, какой он есть, со всей своей уязвимостью.

Проанализировав письменное наследие В. Маяковского, можно обнаружить, что автор неоднократно использовал формулы, подчеркивающие его непоколебимую привязанность и верность идеям, убеждениям и, в частности, к людям, стоящим близко к его сердцу. Фразы вроде *«Твой верный»*, *«Весь твой»*, *«Ждущий»*, которыми автор подписывал письма к Л. Брик, не просто слова; они выступают маркерами глубокой эмоциональной и интеллектуальной приверженности Маяковского, его готовности разделять идеалы и жизненные испытания с единомышленниками и близкими людьми.

В анализе писем В. Маяковского, где присутствует подпись *«Твой бесь»* вместо ожидаемого *«Твой весь»*, обнаруживается умышленное использование неологизма. Изучение этого выбора слова позволяет углубить понимание стилевых особенностей поэта, стремление к инновациям и

экспериментам в языке. «Бесь» в данном контексте может рассматриваться как игра слов, направленная на создание новых ассоциативных рядов и эмоциональных оттенков, отход от традиционных форм выражения, что подчеркивает неповторимость авторского стиля репрезентации языковой личности В. Маяковского. Этот пример подтверждает его известную тенденцию к разрушению языковых норм и поиску новых средств выражения, что является одной из ключевых характеристик его творчества.

Обращение к Лилии Брик *«Твой верный»*, полное нежности и преданности, демонстрирует сложность и многогранность отношений, которые связывали их. Маяковский не просто выражает любовь или восхищение; он подтверждает свою роль не только как любовника, но и как товарища, единомышленника, готового стоять рядом независимо от жизненных обстоятельств. В этом контексте самопрезентация Маяковского как «верного» становится не просто личностной характеристикой, а манифестацией отношения к жизни, в которой личное и общественное, частное и публичное, эмоциональное и идеологическое переплетаются в единое целое.

Таким образом, подытоживая письма к Лилии Брик словами верности, Маяковский не только подчеркивал глубину своих чувств, но и раскрывал ключевые аспекты своей личности и мировоззрения, где верность и преданность становятся фундаментальными ценностями, определяющими многие сферы жизнедеятельности.

Заключение

Эпистолярный дискурс В. В. Маяковского занимает ключевое место в изучении его личности и творчества, выступая механизмом самопрезентации автора. В письмах Маяковского встречается широкий спектр эпитетов, глагольных форм и неологизмов, которые он использует для самопрезентации и создания уникального образа «поэта будущего». Эти языковые средства помогают автору эффективно передавать эмоции, идеи и взгляды, а также создают особое стилистическое

оформление текста. Применение нестандартных глаголов и инновационных словообразований позволяет поэту манипулировать пространством письма, делая его динамичным и выразительным. Эти особенности языка не только подчеркивают индивидуальность Маяковского как автора, но и отражают общие тенденции в развитии русского литературного языка в период авангарда.

Владимир Маяковский использовал самописание в своих письмах в качестве инструмента самопрезентации и формирования собственного образа как литературного гения и социально активного индивида. Маяковский использовал письма не только как средство общения, но и как платформу для самовыражения и саморекламы. Его самоописания в письмах нередко содержали завуалированные и явные аллюзии на его личные достижения, интеллектуальную и творческую уникальность.

Маяковский в своем творчестве активно использовал неологизмы, что свидетельствует о глубоком процессе самоидентификации и стремлении к выражению индивидуальности. Эти новообразования позволили поэту создать уникальный языковой мир, отразив в нем свою личностную уникальность и видение мира. Создание неологизмов служило не только лингвистической инновацией, но и способом самовыражения, через который Маяковский подчеркивал свою непохожесть на других, свою особую роль в литературном процессе того времени. Особенно ярко это прослеживается в том, как автор подписывает свои письма. Динамичность и разнообразие подписей поэта не только отображают его творческую индивидуальность, но и служат инструментом литературной стратегии. Различные способы подписи Маяковским своих писем позволяют глубже понять его самоидентификацию, а также оценить механизмы взаимодействия с адресатом и широкой аудиторией. Эти языковые эксперименты могут быть интерпретированы как знак глубокой интроспекции и поиска своего «я» в контексте социальных и культурных изменений начала XX в.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 382 с.
2. Кубрякова Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам (РАН), 2000. С. 7–21.
3. Попов А. Ю. Основные отличия текста от дискурса // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст. СПб.: СПб. гос. ун-т экономики и финансов, 2001. С. 38–46.
4. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. ст. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 58–65.

5. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX в.: сб. ст. М.: Изд-во РГГУ, 1995. С. 38–39.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
7. Ковригина Е. А. Коммуникативная стратегия самопрезентации в дискурсе интернет-интервью: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2010. 24 с.
8. Пушкин А. А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность: межвуз. сб. науч. тр. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1990. С. 50–60.
9. Кулинич Е. В. Специфика самопрезентации как коммуникативного явления // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 7–10.
10. Соловьева Н. В. Стратегии презентации коммуникантов в текстах научных дискуссий // Российская и зарубежная филология. 2009. № 1. С. 29–37.
11. Елькина О. М. Самопрезентация автора текста в компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2011. № 2. С. 88–93.
12. Герасименко И. А. Когнитивный контекст эпистолярного дискурса А. Чехова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2 (68). № 4. С. 104–108.
13. Курьянович А. В. Когнитивная сущность речевого жанра *самопрезентация* в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2006. Вып. 5. С. 144–150.
14. Каирова Т. С. Особенности коммуникативной направленности эпистолярного текста // Ученые записки Московского педагогического института иностранных языков. 1986. Вып. 269. С. 87–103.
15. Седова О. Н. Эпистолярный стиль в системе функциональных стилей русского языка: научные доклады высшей школы // Филологические науки. 1985. № 6. С. 57–62.
16. Степанов Н. Л. Дружеское письмо начала XIX века // Русская проза: сборник / под ред. Б. Н. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова. Л.: Academia, 1926. С. 74–101.
17. Протопопова О. В. Эпистолярный жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 628–632.
18. Григорьева А. С. Статичная структура русского эпистолярного текста (Лексика частных писем): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 19 с.
19. Нижникова Н. В. Письмо как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1991. 17 с.
20. Курьянович А. В. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2013. 220 с.
21. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Худож. лит., 1961. Т. 13. 658 с.

References

1. Arutyunova N. D. *Predlozheniye i ego smysl. Logiko-semanticheskiye problemy* [The sentence and its meaning. Logical-semantic problems]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 382 p. (in Russian).
2. Kubryakova E. S. O ponyatii diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike [On the concept of discourse and discourse analysis in modern linguistics]. *Diskurs, rech, rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty: sbornik obzorov* [Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects: collection of reviews]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences (RAN) Publ., 2000. Pp. 7–21 (in Russian).
3. Popov A. Yu. Osnovnye otlichiya teksta ot diskursa [The main differences between text and discourse]. *Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa: sbornik nauchnykh statey* [Text and discourse. Problems of economic discourse: collection of scientific articles]. Saint Petersburg, St. Petersburg State University of Economics and Finance Publ., 2001. Pp. 38–46 (in Russian).
4. Sternin I. A. Metodika issledovaniya struktury kontsepta [Methodology for studying the structure of a concept]. *Metodologicheskiye problemy kognitivnoy lingvistiki: sbornik statey* [Methodological problems of cognitive linguistics: Digest of articles]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2001. Pp. 58–65 (in Russian).
5. Stepanov Yu. S. Al'ternativnyy mir. Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti [Alternative world. Discourse, Fact and Principle, Causality]. *Yazyk i nauka kontsa XX v.: sbornik statey* [Language and science of the late 20th century: Digest of articles]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1995. Pp. 38–39 (in Russian).

6. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 288 p. (in Russian).
7. Kovrigina E. A. *Kommunikativnaya strategiya samoprezentatsii v diskurse internet-interv'yuu. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Communicative strategy of self-presentation in online interview discourse. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Kemerovo, 2010. 24 p. (in Russian).
8. Pushkin A. A. *Sposob organizatsii diskursa i tipologiya yazykovykh lichnostey* [Method of organizing discourse and typology of linguistic personalities]. *Yazyk, diskurs i lichnost': mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Language, discourse and personality: interuniversity collection of scientific articles]. Tver, Tver State University Publ., 1990. Pp. 50–60 (in Russian).
9. Kulinich E. V. *Spetsifika samoprezentatsii kak kommunikativnogo yavleniya* [Specifics of self-presentation as a communicative phenomenon]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 299, pp. 7–10 (in Russian).
10. Solov'eva N. V. *Strategii prezentatsii kommunikantov v tekstakh nauchnykh diskussiy* [Strategies for presenting communicants in scientific discussion texts]. *Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Russian and foreign philology*, 2009, no. 1, pp. 29–37 (in Russian).
11. El'kina O. M. *Samoprezentatsiya avtora teksta v komp'yuterno-oposredovannoy kommunikatsii* [Self-presentation of the author of the text in computer-mediated communication]. *Vestnik Maykovskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta – Bulletin of Maykop State Technological University*, 2011, no. 2, pp. 88–93 (in Russian).
12. Gerasimenko I. A. *Kognitivnyy kontekst epistolyarnogo diskursa A. Chekhova* [Cognitive context of A. Chekhov's epistolary discourse]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki – Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological sciences*, 2016, vol. 2 (68), no. 4, Pp. 104–108 (in Russian).
13. Kuryanovich A. V. *Kognitivnaya sushchnost' rechevogo zhanra samoprezentatsiya v epistolyarnom diskurse M. I. Tsvetaevoy* [The cognitive essence of the speech genre of self-presentation in the epistolary discourse of M. I. Tsvetaeva]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, no. 5, pp. 144–150 (in Russian).
14. Kairova T. S. *Osobennosti kommunikativnoy napravlenosti epistolyarnogo teksta* [Features of the communicative orientation of an epistolary text]. *Uchenyye zapiski Moskovskogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov – Scientific notes Moscow. ped. institute of foreign language*, 1986, vol. 269, pp. 87–103 (in Russian).
15. Sedova O. N. *Epistolyarnyy stil' v sisteme funktsional'nykh stiley russkogo yazyka: nauchnye doklady vysshey shkoly* [Epistolary style in the system of functional styles of the Russian language: scientific reports of higher education]. *Filologicheskiye nauki – Philological sciences*, 1985, no. 6. Pp. 57–62 (in Russian).
16. Stepanov N. L. *Druzheskoye pis'mo nachala XIX veka* [Friendly letter of the early 19th century]. In: Eikhenbaum B. N., Tynyanov Yu. N. (eds.) *Russkaya proza: sbornik* [Russian prose: collection]. Leningrad, Academia Publ., 1926. Pp. 74–101 (in Russian).
17. Protopopova O. V. *Epistolyarnyy zhanr* [Epistolary genre]. In: Kozhina M. N. (ed.) *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. 156 p. (in Russian).
18. Grigor'eva A. S. *Statichnaya struktura russkogo epistolyarnogo teksta (Leksika chastnykh pisem). Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Static structure of Russian epistolary text. (Vocabulary of private letters). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Leningrad, 1981. 230 p. (in Russian).
19. Nizhnikova N. V. *Pis'mo kak tip teksta. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Letter as a type of text. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Odessa, 1991. 85 p. (in Russian).
20. Kuryanovich A. V. *Teoreticheskiye voprosy izucheniya epistolyariya v sovremennoy lingvistike* [Theoretical issues in the study of epistolary in modern linguistics]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Publ., 2013. 220 p. (in Russian).
21. Mayakovsky V. V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 tomakh* [Complete works: in 13 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1961. Vol. 13. 658 p. (in Russian).

Информация об авторах

Халатян А. А., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: alisahalatyan@ro.ru

Курьянович А. В., доктор филологических наук, зав. кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Information about the author

Khalatyan A. A., graduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: alisahalatyan@ro.ru

Kuryanovich A. V., Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Language Theory and Methods of Teaching the Russian Language, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 22.04.2024; accepted for publication 01.10.2024